

67-5
5105

Дагестанский университет
им. В. И. Ленина. Махачкала.
~~Сборник научных сообщений.~~

67-5
5105

Филология. [Сборник статей. Отв. ред. Б. С. Фарбер].
Махачкала, Дагкнигоиздат, 1967.
227 с. 22 см. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Сборник
науч. сообщений). 1.000 экз. 83 к.
На обл. только загл. серии.

1. Дагест. ун-т им. В. И. Ленина. Махачкала. II. Фарбер,
Б С, ред. — 1. Языкознание — Сборники. 2. Со-
ветская литература — Сборники.

448(17)09

СБОРНИК НАУЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

(ФИЛОЛОГИЯ)

2415

Н. Горбанев

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Статьи и критические отзывы о творчестве М. Горького принадлежат к числу наименее изученных в литературном наследии Г. В. Плеханова. По создавшейся в 1930-е годы традиции они нередко оцениваются как сплошь ошибочные, что далеко не соответствует их действительному содержанию. Такая оценка связана с общим односторонне-критическим отношением к работам талантливого русского марксиста, которое сложилось в те годы и успешно преодолевается в наши дни.

В предлагаемой статье делается попытка исследовать отклики Плеханова на творчество Горького, показать их место и значение в общественно-литературной борьбе начала 1900-х годов, выявить то положительное, что дают лучшие из них (и особенно статья о драме «Враги») для понимания произведений основоположника пролетарской литературы.

Статья «К психологии рабочего движения (Максим Горький, «Враги») — одна из наиболее значительных критических работ Плеханова. В ней была дана первая в марксистской критике развернутая оценка замечательной драмы «Враги». Она сыграла бесспорно положительную роль в борьбе против реакционной легенды о «конце Горького».

До сих пор статья эта рассматривается в наших исследованиях главным образом (если не исключительно) как выражение меньшевистской позиции Плеханова¹. Другие её стороны недооцениваются или вообще игнорируются². Между тем содержание и смысл плехановской работы не сводятся только к защите ошибочной меньшевистской тактики. Они значительней и шире. Это становится особен-

¹ См.: Б. В. Михайловский, *Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции*, изд. «Искусство», М., 1955, стр. 227—229; Ю. Юзовский, *Максим Горький и его драматургия*, изд. «Искусство», М., 1959, стр. 188—190; Л. Н. Иокар, *Из творческой истории пьесы «Враги»*. — Горьковские чтения, изд. «Наука», М., 1964, стр. 71.

² Едва ли не единственная попытка раскрыть положительное содержание статьи сделана Б. И. Бурсовым в работе «Роман М. Горького «Мать» и вопросы социалистического реализма», Гослитиздат, М., 1955, стр. 109—111.

но ясным, если рассмотреть статью на фоне общественно-литературной борьбы первого десятилетия 1900-х годов.

За месяц до появления работы Плеханова (опубликована в мае 1907 года в журнале «Современный мир») Д. Философов поместил на странице «Русской мысли» статью «Конец Горького», положившую начало одному из самых шумных и разнуданных походов реакционной прессы против пролетарского писателя. Д. Философов утверждал здесь, что последние произведения Горького (в том числе и «Враги»), в которых художник перешел от мотивов общечеловеческих к партийным и сделался пропагандистом социалистических идей, свидетельствуют будто бы о падении его литературного дарования³. Основной тезис статьи, выраженный в её заглавии, был подхвачен всей антидемократической печатью — от черносотенных «Московских ведомостей» до декадентских «Весов»⁴.

Позднее, в декабре 1911 года, Плеханов в письме к Горькому так определил главную причину, побудившую Философова и ему подобных поставить крест на литературной деятельности писателя: «...наша критика не может простить Вам того, что Вы социалист. Она пела Вам восторженные похвалы, пока думала, что из Вас выйдет художник-нищезанец. А когда увидела, что Вы перешли нищезанский предел, она обиделась, огорчилась и принялась оплакивать «конец Горького». Всем этим Вы... можете только гордиться»⁵.

Одним из главных звеньев этой антигорьковской кампании были нападки на драматургическое творчество писателя. Именно Горький-драматург прежде всего «заставил говорить о «конце Горького», — свидетельствует один из современников⁶. И действительно, кроме «Мещан» и «На дне», принятых критикой более или менее доброжелательно, все последующие пьесы Горького встречались ею с решительным осуждением.

Уже о «Дачниках» Философов говорил, что как художественное произведение они «просто не существуют, они вне литературы» и являясь признаком «измельчания» таланта Горького⁷. Количество таких высказываний возросло после выхода «Детей солнца» и «Варваров». «Каждая новая пьеса Горького является регрессом в отношении предыдущей. «Дети солнца» ушли в этом отношении дальше их всех»⁸, — писал один из критиков, и такой взгляд на эту и другие пьесы Горького об интеллигенции был довольно типичен. По А. Измайлову, например, «Варвары» — это «совершенно сырое,

³ «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 122—141.

⁴ Бэн (Назаревский В.), *Конец Горького*, «Московские ведомости», 1907, № 199, 1 мая; Эллис (Кобылинский Л.), *Еще о соколах и ужах*, «Весы», 1908, № 7, стр. 53—58.

⁵ Г. В. Плеханов, *Сочинения*, т. XXIV, М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 341. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Статья Д. Философова была хорошо известна Плеханову. Одно место из неё он цитирует в своей рецензии на книгу Философова «Слова и жизнь» (XIV, 345—346).

⁶ «Русское богатство», 1907, № 6, стр. 106 (статья А. Редько).

⁷ «Новый путь», 1904 № 11, стр. 321, 332.

⁸ «Биржевые ведомости», 1905, № 9073, 13 октября.

неоформившееся произведение», оставляющее «впечатление понижения таланта Горького и страшного регрессирования в его драматических работах»⁹.

Своего апогея эти нападки достигли после появления драмы «Враги» (январь 1907 года). Тогда же получила окончательную отделку и легенда о «конце» Горького, начавшая создаваться, как мы видели, еще до публикации печально известной статьи Философова.

Наряду с другими критиками-марксистами¹⁰ Плеханов выступил против этой легенды, взяв под защиту драматургию Горького в целом и отдельные его пьесы. Незадолго до статьи о «Врагах» Плеханов в заметке «О черной сотне» (март 1906 года) дал сжатую, но содержательную оценку «Детей солнца». Охарактеризовав здесь Горького как «знатока народной психологии» (XV, 52), он коснулся основной коллизии драмы — столкновения между «тёмным слесарем» Егором, с одной стороны, и Протасовым и прочими «детьми солнца», — с другой.

Тот факт, что в душе Егора уважение к ученому сменяется чувством злости и глупей ненависти, Плеханов вслед за автором объясняет трагическим разрывом между «детьми солнца» и «детьми земли», далекостью интеллигенции от народа, от его нужд и тревог. Если Протасов, замечает он, обнаруживает в отношении Егора «весь свой узкий эгоизм», то глазные «дети солнца» относятся к нему еще хуже: Чепурной в глаза называет его *собакой*; для художника Вагина, зараженного «сверхчеловеческими» теориями, темный слесарь тоже не человек (XV, 53).

«Кто виноват? — спрашивает Плеханов. — Виновата, очевидно, старуха-история, благодаря которой наши «дети солнца» до сих пор были тусклы, как старые медные пятаки. В этом, я думаю, и заключается основная мысль пьесы Горького, которую так плохо поняла наша критика» (XV, 53)¹¹.

⁹ «Биржевые ведомости», 1907, № 9689, 11 января.

¹⁰ Большую роль в борьбе за Горького в этот период сыграли также А. В. Луначарский (статьи «Дачники», «Варвары», «Литературный распад и концентрация интеллигенции») и В. В. Воровский («Максим Горький», «Еще о М. Горьком»).

¹¹ Что пьеса М. Горького — прежде всего суд над «детьми солнца», оторвавшимися от народа и от живой жизни, было, в общем, ясно для либерально-буржуазной критики. Этот суд казался ей пристрастным и несправедливым (см., напр., статью Е. Колтоновской «Пристрастный суд» — «Полярная звезда», 1906, № 9, февраль, стр. 656—662). В этом плане «Детям солнца» противопоставлялась драма Л. Андреева «К звездам» (А. Измайлов. Литературный календарь. — «Биржевые ведомости», 1906, № 9332, 9 июня).

Были, однако, и такие критики, которые, фальсифицируя идейный смысл пьесы, объявляли Горького чуть ли не ренегатом и перебежчиком в лагерь интеллигенции (напр., Ю. Айхенвальд в «Русской мысли», 1905, № 12, стр. 222). Неверно определял идею драмы и В. Фриче, считавший, что Горький не придал изображенной в ней коллизии социального характера, а свёл всё дело к «духовному непониманию» («Правда», 1905, № 12, стр. 26—27).

Очевидно, таких критиков и имел в виду Плеханов в данном случае.

Отзыв Плеханова о «Детях солнца» — самое раннее свидетельство высокой оценки им драматургии Горького, социально-психологической правдивости его пьес.

Таким же образом Плеханов оценивает горьковскую драматургию и в статье «К психологии рабочего движения». Он решительно не согласен с теми, кто утверждал, что талант Горького падает, что его новые драматические произведения («Дети солнца», «Варвары») слабы в художественном отношении, далеки от запросов времени и т. п. Вразрез с этим ходячим мнением Плеханов называет Горького «высокоталантливым художником-пролетарием» (XXIV, 257) и указывает на его последнюю пьесу «Враги» как на замечательное художественное произведение, опровергающее подобные суждения.

«Новые сцены Горького превосходны, — пишет Плеханов. — Они обладают чрезвычайно богатым содержанием, и нужно умышленно закрывать глаза, чтобы его не заметить» (XXIV, 257).

Выявлению содержания «Врагов», первой в русской литературе пьесы о революционном движении пролетариата, и посвящена плехановская статья.

Для правильного понимания и оценки статьи «К психологии рабочего движения» необходимо учитывать особенности критического метода Плеханова, своеобразие его подхода к литературе.

Будучи критиком-социологом по преимуществу, Плеханов рассматривал и оценивал литературные произведения, творчество отдельных писателей и даже целых школ и направлений прежде всего с точки зрения глубины и правдивости изображения «бытия» и «сознания» различных общественных классов. Так, по его словам, романы Бальзака «представляют собою незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика Филиппа»¹², а внимательное изучение Ибсена «обязательно для всякого социолога» (XIV, 228). В своих критических работах, посвященных этим и многим другим писателям (Гамсуну, фон Поленцу, Некрасову, народнической литературе 70—80-х годов и пр.), Плеханов был именно таким социологом, ищущим в литературе отображения общественной психологии, т. е. «преобладающего настроения чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени» (VIII, 250—251).

Под этим углом зрения Плеханов рассматривал и произведения М. Горького, считая, что у него «может многому научиться самый ученый социолог» (XXIV, 276). «Враги», — пишет он, — интересны именно в социально-психологическом смысле, т. е. как

¹² Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 344. Говоря в другом месте о том, что в романе «Матвей Кожемякин» мастерски изображен процесс брожения и разложения «темного царства», Плеханов замечал: «Кто хочет ознакомиться с этим процессом, тот должен будет прочитать «Кожемякина», как должен прочитать некоторые сочинения Бальзака тот, кто хочет ознакомиться с психологией французского общества времени реставрации и «Луи Филиппа» (XXIV, 341).

произведение, в котором изображается борьба классов и показывается, «как определяется ею душевный склад действующих лиц, как она определяет собою их мысли и чувства» (XXIV, 257—258).

Как показал Плеханов, во «Врагах» превосходно раскрыты существенные черты пролетарской психологии, психологические основы пролетарской тактики и особая природа пролетарского героизма.

Отличительная черта психологии участника революционного движения рабочих, изображенная в сценах М. Горького, — это чувство солидарности со своими собратьями по классу, тяготение каждого из них к массе, осознание себя её частью. Эта особенность пролетарской психологии нашла свое выражение и в одном из центральных эпизодов пьесы (готовность Рябцова взять на себя вину убийства Михаила Скроботова), и в финальной сцене допроса, где рабочие крепко стоят друг за друга.

Вместе с тем Плеханов подчеркивает, что тяготение рабочего к массе «прямо пропорционально его стремлению к независимости, его сознанию собственного достоинства, словом — развитию его индивидуальности» (XXIV, 259). Участие в массовом движении пролетариата способствует умственному и нравственному развитию личности. На это Плеханов указывал еще в 90-е годы, разбирая повесть Каролина «Снизу вверх». То, что отмечалось тогда им в образе молодого рабочего Михаила Лунина, в еще большей степени было характерно для рабочих Горького. «Поднимается народ разумом, слушает, читает, думает», — говорит Левшин о своих товарищах по борьбе, рабочих старшего и младшего поколений.

Движение рабочих, будучи массовым по своему характеру, предполагает в качестве наиболее плодотворного приема борьбы за лучшее будущее сплочение и организацию пролетарских сил. У Горького, замечает Плеханов, это прекрасно сознают сами рабочие, один из которых говорит: «Соединимся, окружим, тиснем и готово». (Заметим сразу: здесь и дальше Плеханов прав, защищая этот тактический приём и противопоставляя его терроризму; он заблуждается как меньшевик там, где начинает сводить всё дело к объединению и организации, словно забывая, что они важны не сами по себе, а именно как средство революционной борьбы. В этом случае он дает не точное представление о содержании пьесы, а его произвольный перевод на язык меньшевизма).

В этом отношении пролетарская тактика противоположна индивидуалистической тактике террора. Это опять-таки хорошо понимают рабочие, выведенные Горьким. Левшин осуждает Якимова, убившего в порыве гнева злого и жестокого директора завода Скроботова: «Эх, напрасно Андрей курок спустил! Что сделаешь убийством? Ничего не сделаешь. Одного пса убить — хозяину другого купить... вот и вся сказка». Приводя эти слова старого рабочего, Плеханов пишет: «Так называемый терроризм — не пролетарский прием борьбы. Настоящий террорист — индивидуалист по характеру или по независимым обстоятельствам» (XXIV, 260).

Значительное внимание Плеханов уделяет в статье вопросу о природе пролетарского героизма, о его новом качестве, вытекающем из общих особенностей психологии рабочего движения. В этой связи он разбирает две важнейшие сцены драмы «Враги» — разговор Левшина и Ягодина с Рябцовым и сцену допроса.

Левшин и Ягодин предлагают молодому рабочему Рябцову взять на себя вину за убийство Михаила Скроботова. «Ежели одному не пойти, многих потревожат. Потревожат лучших, которые дороже тебе, Пашок, для товарищеского дела», — так мотивирует Левшин свое предложение, и Рябцов без колебаний готов пожертвовать собой ради «товарищеского дела», — «не потому, что он лучше других, — замечает Плеханов, — а наоборот — потому что другие лучше его» (XXIV, 266). В этой простоте и естественности пролетарского героизма, лишённого внешнего блеска, но исполненного высокого самоотвержения, сказывается, по мысли Плеханова, его более высокая природа.

Та же особенность пролетарского героизма отмечается Плехановым и в финальной сцене «Врагов» — сцене допроса, где героизм руководит всеми действиями обвиняемых. «Это — несомненные герои, — пишет Плеханов о рабочих. — Но это герои особого склада, особого закала, это герои из пролетарской среды» (XXIV, 265). Их простой и естественный героизм непонятен для представителей другой социальной среды, имеющих иное представление о героизме и героическом, — например, для актрисы Татьяны Луговой, которой кажется, будто «в них нет страсти, нет героизма».

Так характеризует Плеханов отличительные черты пролетарской психологии и пролетарского героизма, отображенные в драме М. Горького «Враги». Своеобразный подход к драме с позиций критика-социолога позволил ему раскрыть некоторые существенные стороны социально-психологического содержания произведения, раскрыть точно и глубоко, исходя из анализа текста горьковской пьесы, её оцен и образов¹³.

Есть, однако, в статье Плеханова такие суждения и выводы, которые не столько «вычитаны» из драмы «Враги», сколько «вчитаны» в нее, расходясь с ее содержанием и смыслом. Это относится к тем частям статьи, которые содержат аргументацию в пользу меньшевистской тактики в рабочем движении.

Продолжая мысль о разном понимании героизма представителями различных классов, Плеханов предлагает «психологический

¹³ Те черты психологии рабочей массы, которые оттенены в статье Плеханова как наиболее важные, были таковыми и в глазах самого Горького. Это подтверждается, между прочим, словами Рябцова («Хоть молодой, а я понимаю, — нам надо цепью... крепче друг за друга») и Клеопатры («Нужно, чтобы люди жили тесно, дружно, чтобы все мы могли верить друг другу! Вы видите — нас начинают убивать, нас хотят ограбить! Вы видите, какие разбойничьи рожи у этих арестантов? Они знают, чего хотят, они это знают. И они живут дружно, они верят друг другу... Я их ненавижу. Я их боюсь. А мы живем все враждая, ничему не веря, ничем не связанные, каждый сам по себе...»). Сб. товарищества «Знание», СПб., 1906, кн. XIV, стр. 115 и 161.

эксперимент»: вообразить, что Татьяна Луговая усвоила социал-демократические идеи и стала членом рабочей партии. «В новой деятельности Татьяны Луговой непременно дало бы себя знать её старое представление о героизме», — пишет Плеханов, — и «путь агитации и организации масс, — путь, на который почти инстинктивно вступают Ягодина и Левшина, — не раз представился бы ей недостаточно героичным» (XXIV, 266).

Что актриса Татьяна Луговая, став членом рабочей партии, могла принести с собою мелкобуржуазный взгляд на героев и на героическое, — в этом не было бы ничего неожиданного, и в этих пределах плехановский «эксперимент» не противоречил, в общем, содержанию пьесы и характеру героини. Но Плеханов идет дальше и пытается доказать, что меньшевистская тактика это и есть подлинно рабочая тактика, а тактика большевиков — интеллигентская, что будто бы и подтверждается образами Левшина и Ягодина, с одной стороны, и образом Татьяны Луговой — с другой. Здесь уже всё — явная натяжка: и стремление представить Татьяну Луговую выразительницей тактики большевиков, и настойчивое желание выдать путь агитации и организации масс чуть ли не за единственный тактический прием рабочего движения (как будто он исключал путь героической борьбы, по которому вели рабочий класс большевики)¹⁴.

Столь же произвольна попытка Плеханова вывести из слов Левшина: «В этом деле страшнее — лучше», сказанных по сугубо конкретному поводу, заключение о том, что участники рабочего движения должны избегать излишнего оптимизма; что такой «романтический оптимизм» — свойство революционеров из буржуазной среды (вроде Татьяны Луговой в его «эксперименте»). Все эти соображения Плеханова противоречили революционно-оптимистическому смыслу пьесы Горького. В таком отношении к романтике революционной борьбы, которую Плеханов называет «революционной алхимией», — зерно последовавшего вскоре осуждения им романа «Мать».

Доводы, которые привел Плеханов в статье о «Врагах» в пользу меньшевистской тактики, никак не вытекали из содержания пьесы, и в этом отношении у него не было, конечно, оснований проводить какую-то грань между Горьким-драматургом и Горьким-публицистом, сотрудником большевистской газеты «Новая жизнь». В драме «Враги», как это убедительно показали её исследователи¹⁵, Горький был таким же защитником большевистской тактики, как и в своей публицистике.

¹⁴ В статье «Белый террор» (сентябрь 1903 года), проводя водораздел между тактикой массового рабочего движения и терроризмом, между старым и новым пониманием героизма, Плеханов направлял свою критику в адрес «революционных старообрядцев» из партии социалистов-революционеров (XII, 443—450). Это было и справедливо, и обоснованно.

¹⁵ См.: Б. В. Михайловский, *Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции*, изд. «Искусство», М., 1955, стр. 229, 231; Ю. Юзовский, *Максим Горький и его драматургия*, изд. «Искусство», М., 1959, стр. 188—190; Б. Бялик, *М. Горький-драматург, Советский писатель*, М., 1962, стр. 154.

То обстоятельство, что Плеханов пытался подкрепить свою шаткую тактическую позицию произвольным толкованием отдельных образов и эпизодов пьесы М. Горького, не должно зачеркивать положительный тон его статьи. Его анализ «Врагов», как говорится выше, во многом точен и глубок. Это особенно ясно видно на фоне высказываний критики того времени.

Большинство критиков реакционного и либерально-буржуазного толка прошло мимо социального и даже просто психологического содержания горьковской пьесы. Для этих критиков типичны высказывания вроде: «Враги» — «драма без человека», в которой «образы не обрисованы психологически» (Редько)¹⁶; «герои «Врагов» кажутся не людьми с натуры, а актерами, притлащенными Горьким на те ампулы, каких требовал шаблон благонамеренно-либеральной пьесы или романа» (Измайлов)¹⁷; «рабочие, которые выведены Горьким на авансцену, очень не типичны» (Бразоленко)¹⁸; «все эти люди не живут, а притворяются, надели маски и излагают какую-то скучную-прескучную роль» (Иванов)¹⁹; «все действующие лица — только манекены, созданные по шаблону красных газет, с наклеенными на них ярлыками: черносотенец, жандарм, рабочий и т. д.» (Назаревский)²⁰ и т. п. Само собой разумеется, что эти отзывы характеризовали не столько пьесу Горького, сколько эстетические и политические пристрастия её критиков.

Для этой критики был неприемлем самый угол зрения, под которым рассматривал горьковскую пьесу Плеханов, его критический метод. Так, по мнению Игнатова, статья «К психологии рабочего движения» якобы только подкрепляет вывод Философова о «конце Горького», ибо то богатство социально-психологического содержания, которое нашел в пьесе Плеханов, служит будто бы доказательством не силы, а слабости писателя. Вслед за Философовым Игнатов упрекал писателя за то, что он во «Врагах» «спустился до уровня изобразителя психологических основ партийной тактики». «Как бы важно ни было понимание психологической основы рабочей тактики, — заключал он, — не может быть сомнения, что к общечеловеческому, к вечному оно относится как ничтожная дробь к целому»²¹.

Были среди критиков начала 1900-х годов и такие, которые, подобно Плеханову, рассматривали «Врагов» главным образом с точки зрения изображения современного рабочего движения и психологии его участников. Однако они не нашли в пьесе М. Горького сколько-нибудь удовлетворительного освещения того и другого. К таким критикам принадлежали прежде всего В. Фриче и Ф. Калинин. Их критические отзывы о «Врагах» появились после статьи Плеханова и — прямо или косвенно — полемичны по отношению

¹⁶ «Русское богатство», 1907, № 6, стр. 108—109.

¹⁷ «Биржевые ведомости», 1907, № 9689, 11 января.

¹⁸ «Вестник знания», 1907, № 2, стр. 121.

¹⁹ «Перевал», 1907, № 3, стр. 60.

²⁰ «Московские ведомости», 1907, № 24, 30 января.

²¹ «Русские ведомости», 1907, № 163, 18 июля.

к ней. Основной пункт разногласий — именно вопрос об отображении в драме М. Горького психологии пролетарского движения.

Разбирая пьесу в статье «Эволюция театра и драмы», Фриче отчасти повторял Плеханова там, где касался вопроса об особенностях пролетарского героизма. Он писал, что герои-рабочие в пьесе Горького «не похожи на героев в обычном смысле этого слова», ибо «в них нет ничего блестящего и эффектного», и они могут показаться интеллигентам вроде Татьяны Луговой «серыми» и простыми». «И однако эти «простые» люди, — продолжал критик, — бесконечно сильны чувством солидарности, круговой порукой, связывающих их в непобедимые колонны своим лозунгом: «один за всех, все за одного...». В этой солидарности — залог победы». Вместе с тем в статье Фриче выдвигался тезис, который резко противоречил положениям работы Плеханова. Критик считал, что в драме Горького «самая тактика пролетариата носит не коллективистический характер, а индивидуалистический, она облечена в форму старомодного фабричного террора, а не в современную форму «стачки»²².

На подобной же точке зрения стоял и Ф. Калинин в статье «Тип рабочего в литературе». В соответствии с основным тезисом своей статьи: интеллигент еще может думать за молодой рабочий класс, но чувствовать за него он не может — критик считал неудачной попытку Горького изобразить во «Врагах» психологию рабочей массы. По его мнению, Горький, желая выразить в своей пьесе идею рабочей солидарности, взял её совсем не в той области, где она обычно выражается в рабочем движении. «Форма проявления рабочей солидарности, которую изображает М. Горький, — пишет он, — носит вполне сектантский характер. Эта форма солидарности присуща всем тайным организациям, в особенности когда в них есть налет фанатического мистицизма. В значительной степени произведение тем и неудачно, что автор не сумел нащупать подлинную рабочую идею социалистической солидарности»²³.

Все это прямо противоположно тому, что утверждал Плеханов и что заключено было в самой пьесе, где, с одной стороны, осуждалась тактика индивидуального террора, а с другой, — признавалась ошибкой и попытка Левшина «подменить» убийцу. В эпизоде с подменой убийцы Плеханов увидел не одно сектантство, а самое главное — демонстрацию рабочей солидарности, готовность молодого Рябцова к самоотверженному подвигу во имя общего «товарищеского дела». В этом отношении, как и во многих других, плехановский анализ «Врагов» стоял вне всяких сравнений.

Важная критическая заслуга Плеханова в статье «К психологии рабочего движения» — глубокий анализ философско-этических проблем, поставленных в пьесе «Враги»: вопросов о зле и путях борьбы с ним, о соотношении морали пролетарской и общечелове-

²² Из истории новейшей русской литературы, изд. «Звено», М., 1910, стр. 111.

²³ «Новый журнал для всех», 1912, № 9, стр. 101—102.

ческой, о подлинном гуманизме. Вопросы эти не случайно были поставлены в плехановской статье. Критические оценки Плеханова были направлены и против тех, кто видел в пьесе М. Горького призыв к примирению классов, и против тех, кто находил во «Врагах» чуть ли не руководство к террору и убийству. В первом смысле пьесу истолковал критик «Русского Востока»²⁴, во втором — небезызвестный Бэн, он же Б. Назаревский, критик и редактор ретроградных «Московских ведомостей», с бешеной злобой к революции и её художнику писавший, что Горький во «Врагах» стремится принорочить свой язык к краткому, но выразительному языку революционных брошюр и прокламаций; что «вся его новая пьеса представляет распространенную почти на 200 стр. прокламацию р. с.-д. партии»; что «Враги» — это «руководство к политическим убийствам», в котором убийство «разрешается, поощряется и оправдывается тем, что виноватыми оказываются, по логике революционеров, не убийцы, а их жертвы»²⁵.

Плехановский анализ этих проблем направлялся также против критиков рабочего движения, которые не видели в рабочей массе «ничего, кроме серой «толпы», а в психологических мотивах её борьбы — ничего, кроме грубых, почти животных, побуждений» (XXIV, 269), и которые резкой гранью отделяли классовую мораль пролетариата от морали «общечеловеческой».

Разбирая образ Левшина, Плеханов глубоко и проникновенно раскрывал «настроение чувств и умов» рабочего класса, борющегося за свое освобождение, нравственно-психологический мир его представителей.

По Плеханову, Левшин — «сознательный рабочий», «мыслящий пролетарий»²⁶. Классовая точка зрения не исключает, однако, у этого типичного пролетария любви к «человеку вообще», как об этом твердили критики пролетарской морали. Дело в том, прежде всего, что взгляд старого рабочего не узок, а широк: он убежден, что зло не в людях, а в общественном устройстве.

Приводя в своей статье ряд сцен и эпизодов, связанных с образом Левшина, его суждения о копейке («Все человеческое на земле медью отравлено, милая барышня... Все люди связаны медной ко-

²⁴ См. Б. Бялик, М. Горький-драматург, М., Советский писатель, 1962, стр. 173.

²⁵ «Московские ведомости», 1907, № 24, 30 января.

²⁶ В работе Б. В. Михайловского «Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции» Левшин характеризуется как рабочий с довольно сильными пережитками крестьянской психологии, как носитель «гуманизма толстовского типа», который находится лишь на пути к усвоению пролетарской морали. Исследователь даже считает, что «неправильно представлять Левшина главным «идеологом» пролетарского лагеря во «Врагах», как это делал Плеханов» (указ. соч., стр. 227). В отношении Левшина к насилию Б. В. Михайловский видит не диалектику чувств, а эволюцию от отрицания насилия к его признанию. Думается, что Плеханов правильнее определил место Левшина в общей композиции драмы, глубже раскрыл сущность его нравственно-психологического облика.

пейкой»), его грустные и меткие слова о становом, у которого «должность такая... обижаящая!», о необходимости уничтожить, «схоронить» копейку и т. д., Плеханов характеризует его взгляд на жизнь как «несложный, но своеобразный и глубоко человеческий» (XXIV, 269).

«Для него «копейка», — пишет Плеханов о Левшине, — символ целого строя. Его любящая душа исстрадалась от зрелища той жестокой свалки, которая происходит ради «копейки» в капиталистическом обществе... И он примыкает к социалистам, желающим того же, к чему стремится его честная и чуткая душа: «Уничтожить копейку», т. е. устранить нынешний экономический строй... «уничтожить копейку» для него значит уничтожить всё то зло, которое делается теперь людьми в экономической борьбе за существование» (XXIV, 273).

В то же время Плеханов показал, что пролетарский гуманизм неизбежно связан с борьбой против «копейки» и основанного на ней строя человеческих отношений; что борьба пролетариата против зла, господствующего в капиталистическом мире, предполагает насилие; что пролетарская мораль противоположна в этом смысле толстовской заповеди: «не противьтесь злу насильем». Левшин, по природе мягкий человек, склонный к всепрощению, отнюдь не отвергает насильственных средств, когда это нужно для «общего, человеческого» дела. Будучи противником террора и не одобряя убийства Михаила Скроботова, он в то же время говорит по поводу этого убийства: «Злого и убить. Добрый сам помрет». И если он отвергает террор, то не потому, что вообще против насилия, а потому, что террористический акт ничего не меняет («Одного пса убить — хозяину другого купить»).

Плеханов, касаясь этого кажущегося противоречия в характере Левшина, глубоко и верно замечает: «Он полон любви, но диалектика общественной жизни отражается в его душе в виде диалектики чувства, и любовь делает его борцом, способным на самые суровые решения. Он чувствует, что без них нельзя обойтись, что без них зло будет еще больше» (XXIV, 274).

В этом — существенное отличие пролетарской нравственности от морали Льва Толстого, которая построена на такой арифметике: насилие + насилие = двум насильям. Противопоставляя арифметике Льва Толстого алгебру революционной борьбы, Плеханов указывал, что революционное насилие, изменяя к лучшему общественное устройство, устраняет значительную часть тех причин, которыми вызывается преступность, и ведет не к умножению зла, а к его уменьшению. «Пролетарии, подобные Левшину, и его товарищам... считают себя обязанными устранять зло, а не устранять себя от участия в нем» (XXIV, 275). Во «Врагах» Горького, заключает Плеханов, ярко иллюстрируется деятельный характер пролетарского гуманизма, «и этого одного было бы достаточно, чтобы сделать его новую пьесу замечательным художественным произведением» (XXIV, 276).

Все сказанное позволяет сделать вывод, что статья Плеханова «К психологии рабочего движения», при всех её недостатках, — одна из наиболее ярких и глубоких критических работ о М. Горьком начала 1900-х годов, многие положения которой до сих пор не потеряли своего значения.

Критические отзывы Плеханова, последовавшие за статьей «К психологии рабочего движения», касались таких произведений М. Горького, как роман «Мать», очерки американской жизни и повесть «Исповедь». Все они меньше по объему и менее значительны по содержанию, чем статья о «Врагах»; все они, как и эта статья, не свободны от ошибок меньшевистского характера, а некоторые из них глубоко ошибочны.

Особенно сильно влияние меньшевистских взглядов Плеханова сказалось на его суждениях о романе «Мать». В предисловии к 3-му изданию сборника «За двадцать лет» (1908) и в статье «Еще о религии» (1909) он осудил горьковский роман, мотивировав свою отрицательную оценку соображениями как эстетического, так и идейного порядка.

Первый упрек Плеханова по адресу Горького затрагивал, казалось бы, чисто литературную сторону дела. Будучи «замечательным и ярким художником», Горький, по мысли Плеханова, принадлежит к числу тех писателей, у которых «ум ушел в талант». «Поэтому и неудачны те его произведения, в которых силен публицистический элемент, например, очерки американской жизни и роман «Мать» (XVII, 258—259). По словам Плеханова, у Горького нет отчетливого понимания того, «как мало годится роль проповедника, т. е. человека, говорящего преимущественно языком логики, для художника, т. е. человека, говорящего преимущественно языком образов» (XIV, 192).

Другое обвинение носит более серьезный характер и как бы комментирует первое. Дело заключается, с точки зрения Плеханова, не только в том, что писатель выступил в романе «Мать» как публицист и проповедник марксистских взглядов, но и в том, что этот роман будто бы «показал, что для роли проповедника этих взглядов Горький совершенно не годится, так как взглядов Маркса он совсем не понимает» (XIV, 192). В другом месте Плеханов пишет об узости «социалистического миросозерцания М. Горького», не застарованного от утопизма (XVII, 266).

Это второе соображение Плеханова и объясняет причину односторонне-отрицательной оценки им романа «Мать». То обстоятельство, что М. Горький выступил в своем романе в роли публициста, не могло, конечно, иметь для Плеханова решающего значения. В этом и многих других случаях (напр., в статьях о народнической литературе 70—80-х годов, в серии статей о Л. Толстом, в отзыве на горьковскую «Исповедь» и т. п.) Плеханов, осуждая «публицистический

элемент», имел в виду не столько публицистическую форму выражения писателем своих взглядов, сколько содержание этих взглядов, отвергал не публицистику саму по себе, а её идейную направленность²⁷.

Подлинный смысл выступления Плеханова против горьковского романа хорошо раскрыл в 1931 году А. В. Луначарский, которого не ввели в заблуждение плехановские сетования по поводу «публицистики». «Если бы это была публицистика вообще, — писал он, — может быть, её еще простили бы, но это была большевистская публицистика. И вот Плеханов в своем суждении о Горьком говорит, что плохую услугу оказывают Горькому те, кто тащит его к какой-то марксистской пропаганде. Художник не должен заниматься этим, художник должен заниматься показом жизни, а никоим образом не доказательством правильности тех или иных идей. Горький, — говорил Плеханов, — плохой марксист, у него неправильные идеи, поэтому плохи и те произведения, в которых он их выражает.

Упрек Плеханова, что у Горького неправильные мысли, вполне понятен: Плеханов к тому времени был чрезвычайно ярко выраженным меньшевиком, и эти идеи Горького, разумеется, гладили его против шерсти²⁸.

В этой связи возникает вопрос: какой конкретно круг идей, выраженных в романе «Мать», имел или мог иметь в виду Плеханов-меньшевик, давая книге отрицательную оценку и обвиняя Горького в непонимании взглядов Маркса?

С определенностью можно указать на три пункта, по которым у Плеханова должны были возникнуть разногласия с Горьким.

Одна из важнейших тем романа М. Горького — изображение процесса соединения стихийного движения рабочих с теорией научного социализма. В полном соответствии с положениями В. И. Ленина, развернутыми в книге «Что делать?» (1902), писатель показывает, что рабочее движение становится могучей силой тогда, когда оно вооружается идеями научного социализма. Эти идеи пропагандировала и вносила в рабочую среду революционная марксистская интеллигенция, что и показано в романе во взаимоотношениях Павла Власова и других рабочих слободки с такими революционерами-

²⁷ «Если существуют действительно вечные законы искусства, — утверждал он еще в 1897 году, — то это те, в силу которых в известные исторические эпохи публицистика неудержимо врывается в область художественного творчества и распоряжается там, как у себя дома» (X, 193).

²⁸ А. В. Луначарский. Русская литература, Госполитиздат, М., 1947, стр. 320. Что дело здесь было не в публицистике, подтверждает и отзыв Плеханова об американских очерках. «М. Горький, — пишет он, — сам крайне плохо переваривал ту истину, которую несет миру пролетариат. Этим объясняются многие его литературные промахи. Если бы он хорошо переварил названную истину, то его американские очерки были бы написаны совершенно в другом духе: их автор не выступал бы перед нами в виде народника, проклинающего пришествие капитализма» (XVII, 265—266). Плеханов неправомерно отождествляет горьковскую критику «Города Желтого Дьявола» с народнической романтической критикой капитализма.

интеллигентами, как Егор Иванович, Николай Иванович, Софья, Саша, Наташа.

Эта линия романа «Мать» вполне могла вызвать возражения Плеханова, который ошибочно полагал, что социалистическое сознание возникает у пролетариата само по себе, просто в силу его социально-экономического бытия. Исходя из этого, Плеханов недооценивал роль «революционной бациллы» — интеллигенции в деле приобщения рабочих к идеям научного социализма, выступал против ленинского решения этой проблемы (особенно в статье 1904 года «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция»).

Другая важная сторона идейного содержания романа, которая была неприемлема для меньшевика Плеханова, — это, конечно, идея тесного союза рабочего класса и крестьянства в их борьбе против самодержавия и буржуазии. Она выражена в романе во взаимоотношениях Павла Власова и Михаила Рыбина, в сценах работы Ниловны и Софьи в деревне, в изображении пробуждения и роста самосознания в крестьянской среде.

Как известно, Плеханов считал ближайшим союзником пролетариата в будущей революции, будто бы буржуазной по своим задачам, не крестьянство, а либеральную буржуазию и с этой точки зрения вел неустанную полемику с большевиками (например, в «Письмах о тактике и бестактности», 1906). В той самой статье, где он писал об узости «социалистического мирозерцания» Горького, есть и выпад против «пресловутой» диктатуры пролетариата и крестьянства» (XVII, 261).

Наконец, нужно сказать и о «романтике», которую Плеханов нашел в публицистических работах Горького, печатавшихся в «Новой жизни», и осудил её, установив связь между нею и идеями большевизма. В статье о «Врагах», как мы помним, он предостерегал от «розовых надежд», от «романтического оптимизма» в оценке перспектив революционной борьбы. Естественно, что роман «Мать», пронизанный духом революционного оптимизма и революционной романтики, не мог не вызвать отрицательной реакции Плеханова.

Примечательно и то, что во всех этих случаях Плеханов стремился представить свою позицию как подлинно марксистскую, а большевиков обвинял во всевозможных отступлениях от духа и букв учения Маркса и Энгельса.

Так логика меньшевизма привела Плеханова к неверным оценкам романа «Мать» и американских очерков и приблизила его критическую позицию к позиции тех многочисленных критиков этих произведений Горького, которых не устраивала большевистская партийность писателя²⁹. Ошибочные взгляды Плеханова были

²⁹ Обзор критических замечаний о романе «Мать» и американских очерках см. в статьях: С. В. Касторский, Некоторые итоги и задачи изучения повести «Мать» М. Горького. — Вопросы советской литературы, т. VII, изд. АН СССР, Л., 1958, стр. 305—358; Г. Ленобль, Американские очерки и памфлеты Горького. «Звезда», 1948. № 3, стр. 82—89.

использованы в буржуазной прессе для нападок на Горького «как публициста и проповедника социализма»³⁰.

Однако критические суждения Плеханова о Горьком в эти годы не исчерпываются односторонними оценками «Матери» и очерков об Америке. Среди них есть и такие, которые были связаны с сильными сторонами его деятельности этих лет и имели в общем положительный смысл.

Определяя в 1908 году слабые и сильные стороны плехановской позиции в общественно-литературной борьбе после поражения первой русской революции, В. И. Ленин указывал: «Тактика его — верш пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»³¹. В этих словах — ключ к правильному пониманию не только просчетов и ошибок Плеханова, связанных с его тактическим оппортунизмом, но и его заслуг перед марксистской мыслью.

Заслуги эти, как не раз отмечал В. И. Ленин, определяются прежде всего той неустанной борьбой, которую вел Плеханов в 1908—1911 годах против всякого рода идеалистических «измов» в области философии, против богоискательского и богостроительского поветрия. В этом плане наиболее значительными выступлениями Плеханова были две работы: блестящий памфлет «Materialismus militans» (1908—1910), направленный против махистских построений А. Богданова, и серия статей под общим заглавием «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909) с критикой религиозного учения Л. Толстого, «евангелия от декаданса» Д. Мережковского и Н. Минского, «пятой религии» А. Луначарского и горьковской «Исповеди».

«Исповедь» М. Горького не случайно стала предметом строгой критики со стороны Плеханова. Повесть эта, проповедовавшая идеи богостроительства, в удушливой атмосфере послереволюционных лет играла на руку отсталым настроениям. Встреченная суровым осуждением В. И. Ленина и критиков ленинской школы, она вызвала шумные одобрения реакционной, буржуазной и декадентской прессы.

Произошло нечто обратное тому, что было после выхода пьесы «Враги». Та самая критика, которая ранее травила Горького и объявила во всеуслышание о его «конце», заговорила теперь о воскрешении его таланта.

Одна из статей об «Исповеди», принадлежащая перу Либровича С. Ф. (псевдоним — Лукан Сильный) так и называлась «Воскресший Горький»: «Горький умер!» Так поспешили оповестить публику некоторые критики, твердо уверяя, что талант Горького окончательно иссяк, что от него нельзя уже больше ожидать ничего крупного, сильного, выдающегося... Но вот в последнем сборнике «Знания» Горький — выступил с новым объемистым произведением,

³⁰ См. Г. Старцев, Г. В. Плеханов о М. Горьком, «Баку», 1911, № 78, 7 апреля.

³¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 135.

которым он воочию доказал, что гг. критики чересчур поспешили со своим восклицанием «умер талант!» В новом своем произведении Горький опять является могучим, сильным, своеобразным и оригинальным писателем»³².

Иванов-Разумник в обзоре «Русская литература в 1908 году», относя повесть Горького к числу наиболее выдающихся вещей года, писал: «Прекрасная повесть М. Горького «Исповедь» положила конец модным разговорам о «конце Горького»³³.

То же самое писал Г. Чулков в статье «Правда Максима Горького», посвященной новой горьковской повести: «В повести «Исповедь» Максима Горького я вновь услышал голос вольнолюбивого мечтателя, умеющего видеть сны и, главное, верить в них... Д. В. Философов хорошо сделал, что взял назад свое неоспоримое слово о «конце Горького». Нельзя говорить о «конце» писателя, когда жива любовь его»³⁴.

Чулков имел в виду статью Д. Философова «Мещанское сердце», в которой критик-декадент, первый бросивший фразу о «конце Горького», в связи с появлением «Исповеди» признавал поспешность и преждевременность своего приговора. «Одно время, — говорил Философов о Горьком, — он совершенно отказался от своей личности и добросовестно старался зарыть свой талант в землю, в угоду марксистскому идолу. Это было время, когда мещанская критика скорбела о «конце» Горького. Но природа взяла свое. Дарование Горького не вынесло тисков марксистского трафарета, и он написал «Исповедь»... Мы — мещане», говорившие о «конце» Горького, этому выходу только радуемся и готовы приветствовать возрождение писателя»³⁵.

Наряду с мещанской критикой появление «Исповеди» приветствовали и публицисты-богостроители или близкие к ним по своим взглядам. Как произведение, хорошо выражающее суть богостроительства, рассматривал «Исповедь» В. Базаров в статье «Богоискательство и богостроительство», прочитанной в качестве реферата в Петербургском литературном обществе в январе 1909 года³⁶. Как новый взлет в творчестве Горького оценивал «Исповедь» и А. Луначарский, посвятивший ей большую статью под названием «Одиссея богостроителя» во 2-й книге «Литературного распада» и поставивший её гораздо выше романа «Мать».

На этом идейном фоне становится очевидной актуальность выступления Г. В. Плеханова с критикой «Исповеди», которую он рассматривал не столько как литературное, сколько как общественное

³² «Вестник литературы», 1908, №№ 6—7, стр. 136—137.

³³ «Русские ведомости», 1909, № 1, 1 января.

³⁴ «Речь», 1908, № 162, 9 июля.

³⁵ «Слово», 1908, № 536, 15 августа. См. столь же похвальные отзывы В. Быстренина («Московский еженедельник», 1908, №№ 40, 41), А. Измайлова («Образование», 1908, № 7), А. Белого («Весы», 1908, № 9), В. Гофмана («Русская мысль», 1908, № 8), В. Поссе («Слово», 1908, № 478, 8 июня).

³⁶ Сб. «Вершины», кн. 1, СПб., 1909, стр. 354—356.

явление, в ряду других попыток подновления религии. Вот почему он посвятил ей не критическую статью или рецензию, а один из разделов в статье «Еще о религии», входящей в работу «О так называемых религиозных исканиях в России». Раздел этот имеет заголовок: «Исповедь М. Горького как проповедь «новой религии».

Под «новой религией» Плеханов подразумевал ту «религию без бога», которую, исходя из предпосылки, что социализм — «это пятая великая религия», пытался обосновать в своих сочинениях этих лет А. Луначарский. Именно поэтому критическому разбору «Исповеди» в статье «Еще о религии» предшествует анализ религиозного «искания» Луначарского, ибо, как справедливо заметил Плеханов, «М. Горький... выступает в этой повести в качестве проповедника «пятой религии» г. А. Луначарского» (XVII, 259)³⁷. Именно поэтому параллельно с анализом «Исповеди» ведется у Плеханова и анализ статьи о ней А. Луначарского «Одиссея богостроителя», в которой был дан как бы перевод картин и образов повести на язык публицистики.

Не отрицая известных достоинств повести (так, им отмечены «чудные странички, продиктованные поэтическим сознанием единства человека с природой», в которых «громко слышатся гетевские мотивы» (XVII, 259), Плеханов сосредоточил огонь своей критики на основных пунктах философско-религиозных построений Горького и Луначарского.

Прежде всего Плеханов показал несостоятельность основной идеи «Исповеди» — идеи «народобожия», согласно которой «Богостроитель — это суть народушко!», как говорит Горький устами своего старца Ионы. Горький и Луначарский именуют религиозным всякое общественное чувство, всякое проявление коллективной жизни народа, характеризующееся «общим настроением» и «общей волей». Они допускают ту же ошибку, что и Людвиг Фейербах, сделавший уступку идеализму и проповедовавший религию сердца и любви на основе отождествления слова «религия» со словом «связь». «Они начинают с того, что объявляют бога фикцией, а кончают тем, что признают человечество богом. Но ведь человечество — не фикция. Зачем же называть его богом?» — спрашивал Плеханов, опираясь в своей критике богостроительства на мысли Маркса и Энгельса.

Обратили на себя внимание Плеханова и философско-исторические представления Горького о происхождении понятия о боге и о содержании учения Христа. «Люди делятся на два племени, — говорилось в «Исповеди», — одни — вечные богостроители, другие — навсегда рабы пленного стремления ко власти над первыми и над всею землей. Захватили они власть и ею утверждают бытие бога

³⁷ На это обратили внимание и другие критики. «То, что Луначарский делал в философско-публицистических статьях, Горький постарался сделать художественной кистью», — писал, напр., В. Львов («Образование», 1908, № 7, отд. II, стр. 28—29). См. также: Д. Философов, Слова и жизнь, СПб., 1909, стр. 104.

вне человека, бога — врага людей, судии и господина земли. Искатели они лицо души Христа, отвергли его заповеди, ибо Христос живой — против их, против власти человека над ближним своим!»

По этому поводу Плеханов справедливо замечал, что «понятие о боге, существующем вне человека, обязано своим происхождением не разделению людей на «племена» или классы, а первобытному анимизму»; что же касается смысла учения Христа, то уже едва ли не самый выдающийся из первых христиан писал: «рабы, повинуйтесь господам своим!» (XVII, 265—265).

В заключение Плеханов остановился на круге вопросов, связанных с понятиями о естественной необходимости и человеческой свободе, о соотношении «я» и «не я».

Герой «Исповеди» Матвей, как и герой одного из ранних горьковских рассказов «Тоска» (1896), не умеет ответить на вопрос: «Где же человек?», т. е. разрешить антиномию между необходимостью и свободой. Подобно своим героям, Горький полагает, что материализм не оставляет никакого места для человеческой свободы. «Пятая религия», — пишет Плеханов, — и послужила ему дверью, через которую он спасся от этого безнадежного вывода» (XVII, 269). Плеханов отчетливо показал, что ошибочно не учение марксистского материализма о свободе и необходимости, а безотрадные выводы, сделанные из этого учения Горьким и Луначарским.

Столь же ошибочно, с точки зрения Плеханова, и выраженное в «Исповеди» метафизическое противопоставление «я» и «не я» в применении к взаимным отношениям людей. «Вот это самое «я» и есть злейший враг человека!» — говорит Горький устами одного из своих героев, объявляя «я» не заслуживающим никакого внимания ввиду интересов «не я», т. е. народа, массы, коллектива. Это такое же одностороннее решение проблемы, как и противоположное ему решение в духе Ницше. Диалектическое решение этого вопроса, дающее логическую возможность согласить обе стороны этой антиномии, указано было еще Гегелем и глубоко разработано Марксом в его полемике с «кистинным социалистом» Германом Криге, который тоже полагал, что «у нас есть дело гораздо лучше, нежели забота о нашем жалком «я». Из положений Маркса Плеханов и исходил в своей критике ошибочной концепции Горького.

Плехановская критика «Исповеди» не свободна от ошибок. Самой серьезной из них является та, что Плеханов в своих суждениях об этой повести не смог удержаться от полемики с большевиками, сделал попытку использовать идейные заблуждения Горького и Луначарского в фракционных целях. Так, он безосновательно связывает в своей статье их богосочинительство с тактической линией большевиков. «После этого всякий понимает, — пишет Плеханов, имея в виду стремление Луначарского защитить и оправдать повесть, — что, говоря о «народушке», старец Иона нимало не отклоняется от тактики г. А. Луначарского и его единомышленников. Всякий, вероятно, видит также и то, что повесть «Исповедь» написана не без влияния оной тактики» (XVII, 261). Будучи в своих заме-

чаниях об «Исповеди» правым по существу, Плеханов в то же время, говоря словами В. И. Ленина, вредил марксистской философии, «связывая тут борьбу с фракционной борьбой»³⁸. Это снижало ценность его критики.

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 138.